

ЮЛИЙ НИСНЕВИЧ: ВЛАСТЬ КАК ТАКОВАЯ ПУТИНУ НЕ НУЖНА

– Вступая в предвыборный год, интересно выявить характерные для России тенденции, позволяющие предсказать, что ждет нас завтра.

– Для того чтобы предсказывать будущее, надо понять, что мы имеем сегодня. Фактически Россия вернулась в советскую ситуацию конца 80-х годов. Из нее мы попытались вырваться в начале 90-х, но ничего из этого не вышло. Мы не просто возвращаемся в прошлое, мы вновь начинаем ощущать те же тенденции, характерные для периода застоя.

А если говорить о системной сущности государства, то мы сохранили в управлении страной тот же самый социальный слой, что был до событий 90-х годов. Мы не смогли поменять людей, находящихся у власти, мы лишь придумали для них другие институты, демократические по форме. И они сумели приспособить под себя эти институты, выполняя те же функции, что и в советский период.

У нас сейчас налицо идеологический кризис. Да и экономический кризис тоже. Говорят, что мы построили рыночную экономику. Но у нас не типичный рынок, у нас, как говорит экономист Виталий Найшуль, административный рынок, при котором отношения натурального обмена заменили денежными знаками.

– Чем характерен такой рынок?

– Для обычного рынка характерны два основных механизма: спрос – предложение и смена неэффективного собственника. Первый заработал благодаря Егору Гайдару, а второй у нас так и не работает.

– Проще говоря, мы фактически вернулись к административно-командной системе.

– Все несколько сложнее. Во-первых, у нас нет теперь однопартийной системы, во-вторых, у партии власти нет той иерархии, которой славилась в свое время КПСС. «Единая Россия» – та же партия номенклатуры, только без строгой иерархии. И наконец, тогда партийная структура стояла над государством, а теперь номенклатура придумывает для себя политические инструменты, называя один из них партией. Здесь обратное соотношение сил. И благодаря этому номенклатура расползается со страшной скоростью, занимая все административные посты как в государстве, так и в бизнесе, образовании, науке и т.д.

– Изменят ли Россию предстоящие выборы?

– Нет. Сама система выборов не поменяет политическую систему. Более того, наверняка не произойдет смены социального представительства на посту президента. Ельцин и Путин – представители одного социального слоя, хотя Борис Николаевич, возможно, был более демократическим лидером. Но факт остается фактом – ни одни выборы у нас не меняли социального представительства в институте президентской власти.

У власти остается номенклатура – конгломерат политико-экономических кланов, которые воюют за то, чтобы использовать власть для удовлетворения собственных потребностей. И каждый раз перед выборами обостряется борьба этих группировок за власть.

Сейчас при всем внешнем спокойствии мы видим обострение этой борьбы, причем не только в экономике, но и в политике.

– Можно ли уточнить, какие кланы возглавляют ту или иную партию?

– «Единая Россия» – партия государственных чиновников, это факт. Можно сказать, что «Справедливая Россия» ближе к тем кланам, которые связаны со спецслужбами. Правда, между самими спецслужбами тоже возникают конфликты, особенно по части так называемого «крышевания». Часть бизнеса «крышует» МВД, часть – ФСБ. Но названную партию, несомненно, возглавляет одна из группировок, близких к силовикам.

– Забавно, что при этом силовики в большей степени декларируют защиту интересов простых людей, чем «единороссы».

– «Единая Россия» оказалась представителем интересов тех группировок, которые сегодня находятся у власти. А «Справедливая Россия» большей частью состоит из людей, которые близки власти, но только хотят получить реальную власть. Вот они и заявляют публично, что будут критиковать нынешнюю власть. Не могут же они признаться, что представляют другие группировки той же номенклатуры?!

– ЕР называют партией губернаторов, а СЖ хочет стать партией мэров.

– Это условности. После появления второй «ноги» можно с помощью арифметических подсчетов показать, кто есть кто. Сегодня примерно 70% депутатов Госдумы представляют политическую структуру, которая защищает интересы номенклатуры, так называемую «партию особых интересов» по Людвигу фон Мизесу.

Но после введения пропорциональной системы выборов в Думу, не знаю, просчитали ли это в ЕР, ни одна партия не получит конституционного большинства в нижней палате. В лучшем случае ЕР может рассчитывать на 200–240 депутатских мандатов. А хочется иметь конституционное большинство. И потому нужна дополнительная конструкция, которая также будет поддерживать Кремль. И тогда появляется вторая партия, вроде бы оппозиционная первой, но лояльная президенту.

– Значит ли это, что СР не будет реальной оппозицией ЕР?

– Обе эти партии попадут в парламент, причем, как я думаю, ЕР будет там представлена в большей степени, чем СР. Но в совокупности они будут стремиться к тому же результату, что и сейчас, – им надо контролировать 300–310 голосов.

– Стремиться-то они будут к большему...

– Но вряд ли получат больше. Потому что единственная сегодня в России реальная партия – КПРФ, как бы мы к ней ни относились, обязательно получит свои 10–15%. Мы видим: что бы с ней ни пытались сделать, падение ее популярности все равно не переходит за грань ее стабильного электората. К тому же сейчас они очень активно работают с молодежью, привлекая ее на свою сторону.

– Возможно, коммунисты смогли бы повысить свой рейтинг, если бы поменяли первое лицо партии.

– Не спорю, от этого многое зависит. Но в любом случае коммунисты сохранят свое место в парламенте, даже если власть будет всячески препятствовать этому. Однако не стоит вновь выпускать из бутылки страшного джинна, который потом становится неуправляемым, как это было на прошлых выборах, где всячески пытались отобрать голоса у КПРФ с помощью «Родины» и лишь потом осознали, что же из этого получилось.

Свои голоса обязательно наберет ЛДПР. Возможно, преодолет барьер еще одна партия. И если подсчитать все их голоса, станет ясно, что ЕР и СР в сумме не могут набрать более 70%. К тому же эта конструкция позволяет власти выглядеть более или менее пристойно не столько в глазах собственного народа, сколько перед западными партнерами. Демократические декорации нужны, чтобы не оказаться в роли Белоруссии, но в то же время отступать от своих позиций Кремль не собирается.

Никакого реального отношения к электоральным предпочтениям будущие выборы иметь не будут. Это будет чисто административная процедура с заранее известным результатом. Где-то скажутся реальные голоса, поданные, например, за тех же коммунистов. В силу этого опустить их результат ниже 10% власть не рискнет. Остальные партии получают столько голосов, сколько им отведет административный ресурс.

– Правильно ли понял, что мнение избирателей никого не интересует? За них уже все решили...

– Совершенно верно. Хотя, конечно, не на сто процентов. Общие контуры будущей Думы определяются далеко не на выборах, а голосование может лишь немного скорректировать ожидаемые результаты в ту или иную сторону.

– И никакие фальсификации власти просто не понадобятся?

– Нет, конечно. У нас ведь граждане не глупые, они прекрасно понимают, что происходит в стране, и просто перестают ходить на выборы. Порог явки упразднен, голосовать «против всех» теперь нельзя, что остается в такой ситуации – только голосовать ногами.

А власть при этом получит нужную конструкцию, не применяя особых усилий. Если в последние годы к вечеру администрация территории срочно организовывала автобусы, привозящие избирателей на участки, то теперь на этом транспорте можно сэкономить.

Чиновник тем и отличается – если можно что-то не делать, он этого делать и не будет. Если можно не подгонять результат, он не будет морочить себе голову, просто нарисует такой протокол, какой нужен.

– А президенту важно, каким будет расклад на парламентских выборах 2007 года?

– Это очень интересный вопрос. Отвечая на него, я бы оттолкнулся от известной фразы Владимира Путина, который сказал, что с поста президента он, конечно, уйдет, но в политике останется. Когда я задумался, а что, собственно, он имеет в виду, на ум пришла очень простая конструкция: в России сегодня политика и финансы неразрывно связаны, власти нужны финансовые ресурсы, причем в последнее время очень усилился один финансовый институт, который называется народным достоянием, то есть «Газпром». К нему подтягивают не только газовые, но и нефтяные, а также медийные ресурсы. Это такая огромная политико-экономическая корпорация внутри государства, самая мощная в России. Для того чтобы остаться во главе политических процессов, происходящих в стране, надо возглавить именно эту корпорацию.

– Даже не правящую партию?

– Партия – это инструмент. А «Газпром» – это реальный политический игрок, имеющий все ресурсы, необходимые для управления.

К тому же если мы проанализируем самоощущения Путина, то вполне можем поверить, что власть как таковая ему не нужна. У него несколько иные цели и задачи. Ему нужна влияние в европейском смысле, которая присуща не только политикам, но и людям, возглавляющим успешные экономические структуры.

И если мы посмотрим, что сейчас происходит с «Газпромом», то создается ощущение, что его модернизируют «под Путина».

Из газовой компании «Газпром» превращается в корпорацию, обладающую всей совокупностью необходимых ресурсов.

– Необходимых для захвата власти?

– Ему не надо захватывать власть, он и так имеет ее. К тому же глава такой компании всегда будет человеком, которого уважают на Западе.

– Один из американских сенаторов недавно заявил, что попытку России ограничить подачу газа в Европу можно считать необъявленной войной, на которую требуется военный ответ. Учитывая, что к Путину хорошо относятся на Западе, можно ли полагать, что его назначение главой «Газпрома» поможет сгладить некоторые возможные международные конфликты?

– Конечно. Для Запада это фигура вполне приемлемая. С ней они восемь лет тесно общались, и она для них весьма предсказуема. А если самую мощную дубину России возьмет в свои руки малоизвестная личность, опасения Запада могут привести к нежелательным последствиям.

И для «внутреннего потребления» эта фигура также приемлема. Если «Газпром» – народное достояние, то кому же народ может доверить свое достояние, если не Путину?!

– Единственным слабым звеном этой теории может быть посыл, что пост высшего должностного лица в стране Путин не рассматривает как венец своей карьеры.

– Это чисто человеческое качество. К тому же надо заметить, что мы тоже знаем Путина уже восемь лет. И не можем назвать его человеком, который упивается властью. Мы можем предъявить ему много претензий, но упоения властью в нем никогда не проявлялось.

– А почему тогда нынешний глава «Газпрома» не является влиятельной политической фигурой?

– Потому что Миллер – человек из команды Путина. Он будет относиться к ближнему кругу соратников президента, пока тот сидит в своем кресле. Миллера поставили на определенное место с определенной целью. Его задача – не развить «Газпром», а сделать эту корпорацию ядром не только российской экономики, но и политики.

Все скандалы вокруг нефтяных месторождений, которые притягиваются к «Газпрому», развал ЮКОСа и многое другое один из депутатов Госдумы справедливо назвал «приватизацией под президента». И такая приватизация происходит у нас впервые.

– А как на этом фоне будет выглядеть новоизбранный президент?

– Проблема в том, что группировкам, которые боролись и продолжают бороться за ресурсы, нужна оптимальная фигура. А оптимальной для них станет своего рода «контргайка», которая поможет сохранить статус-кво. Этот президент не будет обладать сильной политической волей, он довольствуется ролью «контргайки», которая не позволяет закручивать другие гайки до такой степени, что может сорваться резьба.

Вспомним, с чего начинал Путин – с попытки переключить все финансовые потоки на тот режим, который он собирался возглавить. Для этого создавались федеральные округа, отменялись выборы губернаторов, строилась вертикаль власти. Более того, можно даже предположить, что Путин, имея возможность вернуться через четыре года на пост президента, попытается юридическими способами обезопасить себя на этот срок. Например, проведет законом такую поправку, которая не позволит сбросить его с должности главы «Газпрома». За эти четыре года он, находясь во главе самой мощной политико-экономической структуры, не только получает приличную зарплату, которая позволяет финансировать собственную избирательную кампанию. И через четыре года он будет принимать решение, возвращаться ему в Кремль или нет.

– Может ли случиться такое, что человек, которого мы условно называем преемником, попытается избавиться от такого опасного конкурента?

– Может, конечно. Потому что борьба кланов все равно будет продолжаться. И здесь возникает вопрос, кому предложить это «преемничество». Ведь нужен преемник не просто из той же социальной среды, нужен преемник, который не начнет уничтожать все сразу или не попытается переключить все потоки на себя. Но опыт показывает, что четырех лет для этого не хватит, нужен более длительный срок.

А кланам, которые сражаются друг с другом, надо, чтобы этот человек не только не нарушил равновесие, перетягивая одеяло на себя, но и, главное, не взорвал бы ситуацию. Такого преемника сегодня ищут.

– Называют разные фамилии...

– Дело не в фамилии. Дело в том, смогут ли они найти человека, который не станет с первого же дня тащить все под себя, который будет играть по установленным правилам и в интересах все той же номенклатуры.

– А политическая система при этом останется такой же аморфной?

– Эта система, а точнее, политическая антисистема, очень неустойчива. В любой момент она может развалиться, ведь сегодня эта пирамида стоит на голове, опираясь на одну точку, которая называется «доверие к президенту Путину». Никакой устойчивости перевернутая пирамида не имеет, тогда как нормальная политическая система устойчива за счет выборной динамики. Там политические партии являются корнями власти, а власть – производной от симпатий или антипатий граждан к конкретной партии в тот или иной исторический момент.

А президент нигде не играет такой роли, поскольку он опирается на партийные команды, готовые в любой момент сменить своего лидера, если он перестал пользоваться доверием.

А у нас кроме названной точки пирамиду власти поддерживает еще одна подпорка в виде потока нефтедолларов. И если он иссякнет, то рухнет не только власть, может рухнуть вся страна.

Впрочем, власть может рухнуть и при экономически благоприятной ситуации.

– И что может послужить катализатором такого взрыва?

– Что угодно. И это самое опасное. К катастрофе вполне может привести какая-нибудь Кондопога, только масштабом покрупнее. И такой инцидент может привести к развалу всей системы, которая стала очень хрупкой из-за безответственности власти на местах. Из-за нее мы не можем предвидеть и тем более упреждать такие конфликты.

– Чем может закончиться новая Кондопога?

– Мы это уже проходили, только в масштабах СССР. Теперь может наступить развал Российской Федерации. Вот почему я и начал с того, что мы сейчас находимся примерно в том же состоянии, как Советский Союз в начале девяностых годов.

У нас сейчас страну почти ничего не объединяет. Нет не только общей идеологии, но даже общего информационного пространства. С точки зрения экономической, в регионах давно созрело понимание того, что центр все у них забирает. С точки зрения безопасности – у нас, слава богу, не 1937 год, но спецслужбы заняты бизнесом, а вовсе не тем делом, каким они должны заниматься. И потому они страну не спасут.

Это не те стабилизаторы режима, каким был, скажем, КГБ.

– Впрочем, и КГБ не смог спасти союзное государство... А может все-таки произойти смена режима без развала России? Или до возможного взрыва страна будет мирно плыть по этому руслу?

– История знает два способа преодоления конфликта между управляющими и управляемыми: внешняя оккупация или революция. Оккупация нам, похоже, не грозит. Но если ничего не изменится, то нам грозит социальный взрыв, который я не стал бы сравнивать с «бархатной» революцией 1991 года. Это будет кровавый бунт на волне национализма и ксенофобии, которую недавно «впрыснули» в общество.

Единственный путь, который позволит избежать революционных катаклизмов, – создание политической оппозиции. Возможно, власть понимает это и даже готова была бы создать такую оппозицию. Но она всегда будет действовать только теми методами, которые она знает. И потому эта затея обречена на провал.

Смешно слышать, когда свою собственную вторую ногу называют оппозицией. Сергей Миронов говорит, что они будут поддерживать президента, но в то же время претендует на роль оппозиции. Это с точки зрения политологии – за гранью разумного.

– И кто же тогда может стать реальной оппозицией?

– Оппозиция может создаться только вне существующей политической антисистемы. Пока виден только некий бульон, в котором может свариться что-то стоящее. Ясно, что у целого ряда регионов есть огромный потенциал, который способен послужить основой для формирования новой политической силы. Или все-таки проснется общество, которое уже научилось жить отдельно от власти и вообще не понимает, для чего ему нынешняя власть, которая работает на себя, а не на людей. И постепенно структурируется, чтобы защитить свои интересы и умерить аппетиты чиновников.

Беседу вел Константин КАТАНЯН

Юлий НИСНЕВИЧ

Родился в 1951 г. в Москве, окончил МАИ (1974) и АНХ при Правительстве РФ (1995). Кандидат технических наук (1984), магистр государственного управления (1995), доктор политических наук (2002). Депутат Моссовета (1990–1993) и Государственной думы первого созыва (1993–1995). Директор Института проблем либерального развития, профессор кафедры политических наук Российского университета дружбы народов и кафедры прикладной политологии Государственного университета – Высшей школы экономики.